

Федеральные требования о ведении переговоров с похитителями в этот момент стали для Арнольда и Исера лучшим оберегом.

На самом деле Лион не стал их сильно мучить: лишь пару раз пнул каждого, туже затянул узлы на веревках, тщательно проверил комнату на наличие предметов, которые могли бы помочь пленникам сбежать, и ушел. Единственным неудобством оставалось то, что их связали слишком крепко, вынуждая лежать на полу в довольно унижительном положении.

Исер все еще был настроен на болтовню. Он перевернулся на бок:

— Хорошо, что не пнули в живот, я боялся, что меня стошнит всем съеденным.

Арнольд не шелохнулся. Объективно говоря, он пострадал куда сильнее — помимо истязаний Лиона, на нем вымещал свою ярость Си, — но этот германец молча все вытерпел, чем вызвал у Исера невольное уважение.

— Полковник Арнольд, вы в порядке? Будьте добры, подайте голос.

В темноте Арнольд, до этого закрывший глаза в попытке отдохнуть, приоткрыл их и ответил ровным тоном:

— Если нет необходимости, прошу, не называйте меня здесь полковником, господин Исер.

В ходе разыгранного ими с Линь Хуайшэном спектакля Арнольд убедился, что в комнате действительно установлены камеры слежения. Хотя похитители вряд ли неотрывно смотрели в мониторы, в нынешней ситуации тот факт, что бандиты знают о его статусе офицера Федерации, не сулил троим пленникам ничего хорошего.

— Хорошо, — Исер неискренне покался. — Но сейчас никому из них, боюсь, нет до нас дела.

— Арнольд, те двое разобщены.

Исер принялся перечислять замеченные им детали, а затем рассмеялся:

— А этот ягненок поистине хорош.

Исер тоже называл Линь Хуайшэна ягненком. Арнольд нахмурился и сурово заметил:

— Он сейчас в большой опасности. Исер, отбрось свою манеру играть с жизнью, и тем более не проецируй ее на других.

Исер картинно вздохнул:

— Подобные обвинения я не принимаю.

Слова Исера, словно клинок, вскрыли дремавшее в Арнольде смятение и вонзились прямо в сердце, проворачиваясь в ране.

— Арнольд, ты ведь тоже не избежал этой участи. Ты попал под его чары.

Исер с трудом перевернулся на другой бок, лицом к двери, спиной к товарищу. В этот момент у него пропало всякое желание беседовать с Арнольдом. Вместо того чтобы болтать с таким человеком, лучше было лишний раз прокрутить в голове образ ягненка. У Исера возникло странное предчувствие: ему казалось, что за пугливой внешностью ягненка скрывается душа, которую никто не мог предугадать, и она принесет им перемены, о которых никто не смел и мечтать.

В этот самый миг Исер увидел, как в маленьком окошке рядом с дверью мелькнуло что-то белое.

В темноте это изменение было настолько незаметным, что Исер долго всматривался, не мигая, прежде чем подтвердил: это был край запястья, обмотанный белым бинтом.

Исер расплылся в улыбке и замурлыкал под нос легкую народную мелодию. Это была известная пастушья песня из его родных краев.

Арнольд не понимал, что опять задумал Исер. Сначала он терпел, но Исер шумел слишком сильно и мешал ему отдыхать, поэтому Арнольд снова подал голос:

— Исер, прошу, води себя тише.

Исер же с усмешкой ответил:

— Господин Арнольд, боюсь, вам придется заплатить за свою ошибку.

Он стал свидетелем появления этого ягненка и его ухода. Они без слов обменялись информацией, но Исер оказался злопамятным: он не желал делиться новостями и рассказывать товарищу, что ягненок приходил. Он успешно миновал ловушку и теперь, глядя, как один за другим дураки попадают в силки ягненка, не мог сдержать довольного смеха.

Си приснился сон, будто он по собственной воле превратился в глупца. Появился другой он, насмеялся над ним и взял Линь Хуайшэна в заложники. Си дал отпор, вступив в смертельную схватку с самим собой. После Фрейда каждый человек странным образом был наполнен тремя я, а внутри Си их, возможно, были тысячи. Но в конце концов должен был остаться лишь один, тот, кто достоин быть рядом со святым ягненком.

Из-за этой навязчивой идеи Си на протяжении всего пути то убивал себя, то распадался на

части, но в этой бесконечной внутренней резне Си внезапно обнаружил, что все это время ягненок, который номинально был заложником, а на деле — тем, кого все его ипостаси хотели оберегать, с невозмутимым видом наблюдал за происходящим со стороны.

Стоило ему на секунду отвлечься, как другой он поглотил его. Израненный я пожирал себя, сливаясь в нового, который тут же погибал от рук следующего.

Звук упавшего предмета заставил Си вздрогнуть и проснуться.

Это был тревожный сон. Очнувшись, Си уже не мог восстановить его в памяти целиком, но гнетущее чувство ужаса все еще сжимало сердце. Голова немного болела — из-за кошмара и плохо заживших ран. Он сел на кровати и спустя какое-то время осознал, что рядом с ним пусто.

Мужчина вскочил, словно леопард, даже не успев накинуть куртку. Вскоре он понял, что ягненок, которого он так спешил найти, и был источником шума на полу.

— Ягненок!

Линь Хуайшэн, опираясь руками о пол, пытался подняться, а рядом лежал виновник его падения. Си увидел, что Линь Хуайшэн вот-вот опустит ладонь на ножку стула, возможно, с зазубринами, и, вздрогнув, успел схватить его за беспомощно ощупывающие пол руки и поднять на ноги.

Линь Хуайшэн несколько раз виновато пробормотал:

— Я все-таки разбудил тебя.

Он объяснил:

— Я... я хотел сходить в уборную.

Но вышло то, что вышло. Оба молчали. Линь Хуайшэн чувствовал стыд, а у Си в сердце, помимо растерянности, рождалось все более ясное чувство долга. Он попросил Линь Хуайшэна подождать, а затем начал сваливать в угол упавший стул, следом стол, диван, тумбочки — всю мебель, что была в комнате, превращая ее в бесполезную груды мусора. Лишь когда спальня стала абсолютно пустой, Си остановился. Единственным, что осталось, была кровать.

— Готово.

Си отряхнул руки от пыли, снова взял Линь Хуайшэна за руку и повел его от кровати напрямик в ванную.

Линь Хуайшэн чувствовал, насколько легче стал путь — не только потому, что его вел господин, но и потому, что больше не нужно было огибать мебель. Все препятствия были устранены, и спальня вместе с этим мужчиной словно деградировала, превращаясь во что-то иное — в логово, логово любовной страсти.

Ягненок был тронут и прошептал:

— Господин такой нежный.

Каждое его слово, подтверждающее чувства, убеждало Си в значимости того, что он делает. Си повторил свое обещание:

— Потому что ты — единственный ягненок, и я обязан сделать для тебя все это.

Линь Хуайшэн выслушал его, не скрывая сладостной улыбки, и поднял голову, чтобы посмотреть на Си, делясь с ним этой сладостью. Стоило ягненку поднять глаза, как Си не мог удержаться от поцелуев — даже глаза для него стали важнее губ, превратившись в символ любви. В эту ночь Си не знал, сколько раз целовал глаза Линь Хуайшэна, и эта одержимость, бесконечная и неистощимая, поселилась на губах Си, в глазах Линь Хуайшэна, в каждом мгновении их соприкосновения.

С каждым поцелуем Си становился поэтом любви. Он произносил романтические или безумные слова. Видя радость Линь Хуайшэна, его молчание, он будто знал, что тот хочет услышать, и, следуя желаниям ягненка, говорил еще больше.

— Я все еще пес своего ягненка.

Линь Хуайшэн поджал губы, но в итоге не сдержал смеха. Затем он почувствовал, что его смех — это пренебрежение к столь искреннему, почти унижительному чувству, и снова плотно сжал губы.

— Господин Си, вы не сердитесь из-за таких слов?

Си не знал, как другие, но он — нет, он с радостью принял определение, которое дал ему ягненок. Возможно, именно поэтому они с Линь Хуайшэном и смогли найти друг друга.

— А если я сержусь, что ты сделаешь?

Линь Хуайшэн снова поджал губы, и в его взгляде промелькнуло нечто пугливое и одновременно лукавое:

— Тогда я больше не буду так говорить.

Си склонился и нежно поцеловал его в глаза, закрепляя клятву:

— Твой пес.

Си стоял у дверей ванной и сказал Линь Хуайшэну:

— Иди.

Но тут же искренне добавил, что волнуется:

— Нужно проводить тебя внутрь, ягненок?

Линь Хуайшэн смутился:

— В этом нет необходимости! — и сделал шаг вперед.

Си же заволновался еще сильнее. Ему захотелось ворваться следом, чтобы ухаживать за ним, как за настоящим ребенком, взять на себя все его нужды. Но он понимал: если он ворвется сейчас, это лишь до смерти напугает ягненка. Под шум льющейся воды его обнаженная кожа покраснеет от стыда, даже до самых косточек бедер дойдет этот застенчивый румянец. Ягненок будет злиться, будет плакать от стыда, но Си примет все его упреки и продолжит заботиться об этом беспомощном ягненке в ванной.

Си чувствовал себя донельзя бесстыдным, к счастью, ягненок никогда не давал ему такого повода. Но когда Линь Хуайшэн вышел, Си все же не удержался и зашел внутрь, чтобы, как и прежде, навести там порядок. Он собственноручно расставил два стакана и положил зубную пасту именно в тот, что принадлежал Линь Хуайшэну. Когда «переоборудование» ванной было завершено, он по очереди подвел Линь Хуайшэна к каждому предмету, чтобы тот все проверил.

Вернувшись в постель, они оба крепко уснули. Рассвело, Си проснулся первым. Вскоре Линь Хуайшэн тоже пришел в себя из-за движений Си.

Си обернулся и успокоил его:

— Отдохни еще немного.

Линь Хуайшэн лишь покачал головой, всем своим видом показывая, что хочет остаться рядом. Си был очень доволен и, взяв Линь Хуайшэна за руку, поднялся с кровати.

Раньше Си никогда не думал, что тесная утренняя ванная и общая раковина могут стать частью его жизни с кем-то другим. Они будут умываться вместе, обмениваясь поцелуями в аромате зубной пасты и пены для бритья. Эта обыденная, крошечная романтика лишала Си способности мыслить ясно, постоянно держа его в состоянии возбуждения.

Но когда Си взял зубную щетку, он вдруг обнаружил, что в его стакане на самом деле стоит щетка Линь Хуайшэна. А его собственная щетка была переставлена в стакан Линь Хуайшэна, что демонстрировало некую явную, дурную выходку.

Линь Хуайшэн не видел этого, не мог заметить и уже на ощупь открутил колпачок тюбика, опустил голову, выдавил пасту на щетку и собирался поднести ее ко рту.

А на шее ягненка, среди прядей волос, смутно проступал бледно-синий отпечаток пальцев. Будто кто-то, переполненный собственническим чувством, снова и снова сжимал это место, оставляя клеймо позора.

<http://bllate.org/book/20559/2054840>